

Лит. газ. 1974, 27 марта

ЕСЛИ БЫ некоторое время назад мне сказали, что вскоре я с увлечением буду работать над оперой, я бы этому не поверил. Написав ряд симфонических сочинений, балетов, вокальных циклов, песен, много музыки к фильмам и спектаклям — в общем, испробовав свои силы в самых различных музыкальных жанрах, — я тем не менее до сих пор не задумывался над проблемой создания оперы, относясь к ней, мягко говоря, несколько скептически. И все не потому, что не люблю оперную музыку. Просто мне казалось, что опера как жанр (со своими устоявшимися традициями, формами и условностями) уже вся в прошлом, что замечательные оперные партитуры нашего столетия — Прокофьева, Гершвина, Шостаковича — это кульминация жанра, но одновременно и начало его конца. Мне казалось, что наш «космический» век принес новую эстетику, в которой «старушке-опере» будет неуютно, что новые идеи и образы требуют выражения в иных, более современных и динамичных жанрах искусства.

Увы, даже самые верные рыцари оперного искусства соглашались, что есть немало причин такого скептического отношения к старому доброму жанру. Может быть, из всех областей искусств великие перемены нашего века менее всего отразились на опере.

Проделал огромную эволюцию драматический театр, создав богатейшую современную драматургию, новую режиссуру, во многом — новую школу актерской игры. От наивных легенд и сказок к глубокому и убедительному воплощению Шекспира и Толстого пришел балет. На литературу, театр, музыку оказал неотвратимое влияние кинематограф. И лишь в опере в подавляющем большинстве случаев оберегались каноны классического построения либретто, традиционные принципы музыкальной драматургии. Время от времени рождались поистине выдающиеся оперные партитуры («Катерина Измайлова», «Нос» Шостаковича, «Война и мир», «Дуэнья» Прокофьева и некоторые другие), иногда

появлялись замечательные режиссерские работы (например, Б. Покровского, К. Ирда), но это — словно одиночные яркие звезды.

И все же теперь я уверен, что именно опере в самом ближайшем будущем суждено занять положение «авангардного» жанра в музыкально-театральном искусстве, стать в центре живого интереса и пристального внимания музыкантов, литераторов, многочисленных слушателей и зрителей. И объясняю я это следующим. Сейчас композиторы все чаще и чаще обращаются к слову — к поэзии, прозе, драматургии. Наверное, это произошло потому, что наше время — время острых идеологических

музыкальную и театральную драматургию.

Я надеюсь, что сотрудничество с большими писателями и режиссерами, общение с новой, «раскрепощенной» современной драматургией заставили бы и нас, композиторов, пересмотреть многие свои представления, избавиться от статичности, бытовизма, иллюстративности. Наша музыка зазвучала бы по-иному — ярче и выразительнее, ее воздействие стало бы сильнее.

Словом, новый оперный спектакль, по-настоящему волнующий сегодняшнего слушателя, зрителя, по-моему, может родиться лишь в полном гармоничном слиянии современных прогрессивных тенденций лите-

Известны и оперы о Петре. Их авторы — немецкие, французские, итальянские композиторы; среди них — популярные в свое время Доницетти, Гретри, автор знаменитой «Жизели» Ада. Между тем в русской и советской музыке к этой теме почти никто еще не обращался.

Либретто оперы (авторы Н. Касаткина и В. Васильев) сделано на материале самой истории, с использованием подлинных петровских указов, писем, текстов, старинных песен. Привлечение документов в либретто определило во многом и характер музыки: здесь тоже есть «музыкальная документальность», но только более условная, более свободно трактуемая. Отталкиваясь от древних «знаменных» распевов, старинных крестьянских и солдатских песен, торжественных петровских кантов, я сочинял свою музыку, стараясь передать в ней особый колорит тех времен. Я старался воскресить в своей партитуре «музыку жизни» эпохи — гудение церковных колоколов и стон народных плачей, звуки военных оркестров и грохот победных «виватов». Главное же, к чему я стремился, — естественно соединить старинные напевы и звучания с современными музыкальными формами и приемами художественного воплощения. Н. Касаткина и В. Васильев не только авторы либретто оперы, но будущие постановщики спектакля.

Меня все время спрашивают: «Чем объясняется этот выбор? Почему одни из самых талантливых наших хореографов будут ставить оперный спектакль?» Просто Касаткина и Васильев, так же как и я, верят в то, что опера станет одним из самых остросовременных и широко популярных жанров. И что работать в нем будут наши крупнейшие композиторы, писатели, режиссеры. Верят в то, что скоро у театров перед началом представления новых современных опер будут спрашивать: «Нет ли лишнего билета?» Наверное, это произойдет не с нашей оперой и вообще не так скоро, как нам хочется. Но создавать сегодня оперный спектакль без веры в прекрасное будущее жанра — невозможно.

Андрей ПЕТРОВ,

заслуженный деятель искусств РСФСР

ВЫБИРАЮ ОПЕРУ!

схваток, эстетических споров — побуждает музыканта с помощью слова четче определить свою позицию, точнее выразить свою идею. Поэты же тянутся к музыке, чтобы с ее помощью придать строкам своих стихов особую эмоциональность, дать им «крылья».

Особенно часто обращается сейчас к поэзии Шостакович... Создают свой «Концерт для поэта, певца, хора и оркестра» («Поэторию») А. Вознесенский и Р. Шедрин... На смену так называемым «поэтам-песенникам» приходят в песенный жанр большие поэты. Литература и музыка делают шаги навстречу друг другу. А это должно привести их к опере как высшей форме синтеза слова и музыки, к опере, способной по-настоящему увлечь современного слушателя глубоким и выразительным воплощением самых волнующих тем нашего времени. И эти темы, идеи, образы не будут искусственно втискиваться в прокрустово ложе канонических форм оперного либретто — они сами станут «диктовать» свою, каждый раз неповторимую

ратуры, музыки и режиссуры. Именно такой синтез станет решающим. Поэтому я не говорю сейчас об исполнителях — певцах, дирижерах. Среди них немало высокоталантливых и остро мыслящих музыкантов. Великолепные возможности многих из них — Б. Штоколова, И. Богачевой, Е. Образцовой, Е. Нестеренко — в плане создания современных оперных образов пока еще мало использованы. Получив интересный, увлекательный материал, в содружестве с талантливыми дирижерами, режиссерами они способны создавать ярчайшие образы.

Из всех этих раздумий и родилось у меня желание написать оперу, попробовать сделать хоть один шаг к обновлению жанра. Название этой уже почти законченной оперы — «Петр Первый». Русская и советская литература знает немало замечательных романов, повестей, поэм, стихов, посвященных петровской эпохе. Яркая, сильная и в то же время противоречивая фигура Петра занимала умы философов и художников, политиков и поэтов.